

УДК 1(075)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

А.Н. Аверюшкин

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва

В статье рассматривается вопрос об эстетической составляющей научного познания и научной истины в исторической науке. Автор высказывает мысль о том, что важной составляющей исторического исследования является убедительность, достичь которой историку невозможно, не прибегая к элементам «художественности» в историческом нарративе. Дается авторская характеристика различных подходов к этой проблеме, а также намечаются пути возможного её решения с позиций стадийно-унитарного взгляда на исторический процесс и современных материалистических представлений об истории как социально-гуманитарной науки.

Ключевые слова: *исторический нарратив, историческая наука, эстетика, картины-отражения действительности, конструирование модели прошлого, логика исторического процесса, литературная форма.*

С античных времен написание исторических произведений считалось родом литературного труда. У истории, как известно, была даже своя муза – Клио. В XIX в. Энгельс называет историю «*величайшей поэтессой*». «Поэтесса», герои сочинений которой не выдуманы, а реальны. И если поэту и, в широком смысле, художнику мы можем не верить, то истории, т. е. жизни, не верить нельзя. Но возможно ли такое сочетание науки и искусства без противоречий? Как история может быть одновременно наукой и искусством? Платон в «Государстве» доказывал, что искусство, в котором на первом месте стоит чувственное начало, вступает в противоречие с разумом и не приводит человека к истине, а, наоборот, уводит от нее в мир иллюзий. Если историческая наука (историология) является искусством, то можем ли мы доверять выводам историков, которые, как представители любой науки, претендуют, вместе с тем, и на познание истины о своем предмете? Но может быть, не прав Платон, а прав Аристотель, который считал, что искусство, точнее, поэзия рассуждает об общем, и в этом она близка философии? Правда история, по мнению Аристотеля, все равно стоит ниже поэзии, потому что в отличие от нее она рассуждает о единичном и поэтому не может быть серьезным средством познания. Кто же прав?

Сегодня становится понятно благодаря трудам историка и теоретика исторической науки Ю.И. Семенова, что историология – это наука, которая находится в процессе становления [6, с. 13].

В то же время об истории, и не безосновательно, с античности говорят и как об искусстве. И сегодня это положение исторической

науки рождает для нас целый ряд нетривиальных вопросов. Что означает античный афоризм «Клио – тоже муза»? В какой мере историк в своей работе является художником, а в какой – ученым? Почему исторические работы, написанные учеными, имеющими дело с фактами, оказываются менее убедительными и интересными массовому читателю, чем художественные произведения, авторы которых нередко очень вольно обращаются с фактами? Разве стремление к истине, научность исторической науки, логика исследования не являются гарантией её истинности и убедительности?

Художественное мышление основано на образах. Историк в своей работе тоже пользуется образами. Так, А.В. Гулыга в книге «Искусство истории» сравнивает художественный образ с историческим. Он отмечает, что для литературы, искусства наиболее близкого истории, характерна образность языка, которая появляется вследствие употребления слов в необычном смысле и в необычной последовательности [2, ч. 108–109]. Например, по его мнению, определённую метафоричность изложения использовал Н.М. Карамзин, который создал «новый слог» русской литературной речи [2, с. 155–156].

Отметим, что пример Н.М. Карамзина уникальный – и не только поэтому. «История» Н.М. Карамзина, став фактом, памятником литературы, привлекала и привлекает читателей прежде всего не только слогом, но и своей правдивостью!

Историки действительно создают «картины» действительности. Но чем отличается художественный образ от исторического? Художественный образ представляет собой отражение жизни, переработанное творческим воображением писателя. Оно может быть «заостренным», «сгущенным», размытым и т. д.

В науке, которой является и история, конечно, присутствует фантазия. По мере развития естествознания, пишет Ю.И. Семенов, обнаружилось, что теории из фактов прямо не выводятся, что они представляют собой «творения ума ученых и что их создание предполагает внутреннюю активность мышления» [6, с. 34]. В связи с этим научные теории представляют собой и образы мира, и творения человеческого ума [4, с. 32].

Руководствуясь этой установкой, определенная часть естествоиспытателей начала считать, что научные теории – это не отражение законов реального мира, а конструкции человеческого ума. Ученый создает теории – и тем самым он создает мир. То есть ученый не занимается познанием мира, он творит его. Так думали М. Оукшот, Р. Коллингвуд и многие другие историки [3, с. 42].

Другая позиция, сформулированная, в частности, Ю.И. Семеновым, основана на том, что «отражение не исключает творчества», «продукты творчества могут быть образами внешнего мира», «мышление есть единство творчества и отражения, есть творческое отражение, от-

ражательное творчество». Ю.И. Семенов констатирует: «Историк действительно творит идеофактуальную картину прошлого, но тем самым он не создает прошлое, а лишь более или менее воссоздает его в своем сознании. Историк конструирует не прошлое, а его модель, картину. Реконструирует историю» [6, с. 54].

Но как мы можем быть уверены, что его копия реальной истории – точная копия? Уверенность, видимо, можно получить, исследовав процесс научного отражения и творчества. К сожалению, недостаточно просто сказать, что прошлое не зависит от сознания историка, что историк не создает прошлое, а воссоздает его на основе источников, ставя себе задачу воспроизвести прошлое как можно точнее, и что в ходе развития исторической науки соответствие между реально протекавшим историческим процессом и его отражением в сознании историков становится все более полным.

Это только слова, а не доказательство. Пока не будет показана разница между художественными образами и научными, между творчеством в науке и в искусстве, между отражением в искусстве и отражением в науке, все вышеизложенное останется только благими пожеланиями.

Также недостаточно сказать, что в историческом образе вымысел совершенно исключен, фантазия в творчестве историка играет вспомогательную роль, роль своеобразного толчка к интуитивному акту нахождения материала и осмысления его. Писатель создает типические образы, историк – ищет их. Надо показать, как это происходит. Надо показать, что научные образы – это действительно копии, в хорошем смысле этого слова, а не в том смысле, который придавал ему Платон. Что происходит с этими образами в голове человека?

Можем ли мы быть уверены, что исторические образы в голове историка являются верным отражением исторической реальности?

А если еще вспомнить, что, отмечает Э. Карр, историк сам отбирает исторические факты, что он субъективен [3, с. 44]. Как после этого можно говорить об объективности исторической науки?

Историки дают на эти вопросы противоречивые ответы. Так, П. Вен просто признаёт, что история – это искусство и наукой не станет, по крайней мере в обозримом будущем [1, с. 157]. Выходит, что история – это описание, а следовательно, искусство. И более того, анализ события, который предпринимают историки, на самом деле оказывается мнимым.

Другие историки признают, что история – это гибридная наука.

Известный британский историк Джон Тош в своей книге «Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка» приходит к выводу, что история «по сути является гибридной дисциплиной, сочетающей свойственные науке технические и аналитические процедуры с воображением и стилем, присущими литературе» [7, с. 15].

Для историка при написании исторической работы важно уметь сочетать методику, интеллект, воображение и стиль. И очень немногие историки в состоянии это сделать. Правда, Дж. Тош не приводит ни одного примера исторической работы, в которой все перечисленные качества сочетаются оптимально. Если верить Дж. Тошу, получается, что одни историки пишут красиво, другие – скучно [7, с. 15].

Автор согласен, что, например, Маколей и Карлейль, а также популярные у британских читателей в середине и во второй половине XX в. С.В. Веджвуд и А.Дж.П. Тэйлор обладают несомненным талантом писателя. В такого рода работах можно найти все достоинства исторического повествования: события в них выстроены точно по хронологии, уделяется внимание роли случая, иронии судьбы и вообще мотивам, которые лежат в основе действий людей.

Работы Веджвуд, Тейлора, Саймона Шама о Великой французской революции, который также стремился воссоздать «непосредственность опыта» участников исторических событий, можно отнести к современной классике «нарративной истории», но их стремление к воссозданию истории наносит ущерб анализу и интерпретации (объяснению, пониманию) событий.

По нашему мнению, проблема, с которой сталкиваются историки и которую они часто не могут решить, что очевидно в случае с такими писателями, как Веджвуд, состоит не только в том, что историки «мыслят» за исторических персонажей, но и в том, что историки преподносят нам свою логику исторического процесса, а не конкретно ту, которая была на самом деле.

В марксизме, который часто обвиняют в попытке подогнать историческую действительность под определенную схему, эта проблема была осознана с самого начала. Одним из свидетельств понимания ее основателями материалистической интерпретации истории служит, например, высказывание Г.В. Плеханова, что историю делает действительный живой человек [5, с. 135].

Применяя к оценке исторических событий данную формулу, можно понять коллизии, которые возникали, когда историки объясняли, почему результаты действий исторических деятелей оказывались совсем не такими, как те предполагали, ссылаясь на превратности судьбы-фатума и судьбы-фортуны или «хитрости разума», «иронии истории» и проч.

Все эти объяснения были иллюзорной формой сознания того, что история не представляет собой простой совокупности или даже цепи событий, что в этих событиях проявляется исторический процесс, протекающий по законам, не зависящим от сознания и воли людей.

Как видно, при обсуждении роли повествования в истории возникает ряд важных вопросов, в ответах на которые состоит смысл проблемы исторического нарратива.

Но если до XIX в. владение литературным мастерством считалось одним из наиболее важных качеств историков, то когда история начала превращаться в научную дисциплину, историков стали больше волновать проблемы, связанные с методикой исследований, а не с подачей материала.

В результате уже общим местом стало, что многие исторические работы просто невозможно читать. Историки пишут скучно. Но может быть, это нормально? История ведь наука, и историков не должно заботить то, как их произведения будут восприняты массовым читателем.

Существует ли у истории социальная функция? Если да, то какая? Ведь науку должна интересовать только истина, а не практика или чьи-то интересы, и что за беда, если истина оказывается скучной и занудной – ведь это наука. Однако люди не могут отстраненно, безучастно, отчужденно наблюдать за развитием драматических событий истории. Прежде всего потому, что они сами являются ее творцами.

Британский историк Пол Томпсон, известный представитель направления «устной истории», считает, что одна из главных задач историков – «вернуть людям, делавшим и переживавшим историю, центральное место в ней, давая им возможность заговорить в полный голос» [7, с. 18]. В чем прав, а в чем неправ Томпсон? Прав, видимо, в том, что историческая наука должна помогать людям преодолевать отчуждение от собственной истории. И что люди вообще должны его преодолеть.

И, возможно, многие историки это тоже чувствуют. Может быть, отчасти и поэтому проблема, связанная с объединением нарратива, описания и анализа в рассказе, современными историками осознается очень остро. «Можно сказать, что она – главная», – пишет Дж. Тош [7, с. 19]. Но решение этой проблемы британский историк связывает с проблемой литературной формы, а ее выбор «почти никогда не диктуется самим материалом» [7, с. 19].

Здесь есть еще один аспект. Темой, о которой сложно написать интересно, потому что историк ограничен в использовании образных и эмоциональных средств, считается экономическая история.

В связи с рассмотренным можно согласиться с А.В. Гулыгой, что надо меньше думать о красоте, и она сама придет к вам «как путеводная звезда творчества» [2, с. 119]. Должен ли историк подходить к данной проблеме сознательно – это вопрос, который ещё ждёт своего ответа.

Так или иначе, возможность для синтеза образности и анализа в историческом произведении у историков существует: благодаря «взаимопроникающей» или, может быть, в чем-то похожей природе двух видов познания – научного и эстетического. Может быть, именно тому историку, который в своем исследовании находится ближе к истине, лучше удастся совместить и образное постижение мира и теоретический анализ?

Список литературы

1. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 347 с.
2. Гулыга А.В. Искусство истории. М.: Современник, 1980. 357 с.
3. Карр Э.Х. Что такое история? М.: Прогресс, 1988. 235 с.
4. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / пер. с франц. А. Серебряковой / под ред. и со вступ. ст. Ю.И. Семенова. 2-е изд. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2004. 305 с.
5. Плеханов Г.В. Пессимизм как отражение экономической действительности: (Пессимизм П.Я. Чаадаева, 1895 г.) // Соч. / под ред. Д. Рязанова. М.;Л.: Госиздат, 1925. Т. 10. С. 133–162.
6. Семенов Ю.И. Философия истории. М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
7. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 345 с.

ON THE ROLE OF AESTHETICAL INGREDIENT IN HISTORICAL KNOWLEDGE

A.N. Averushkin

Moscow State psychological-pedagogical University, Moscow

The article discusses the aesthetic component of scientific cognition and scientific truth in historical science. The author suggests that an important component of historical research is persuasiveness, which is impossible to achieve without resorting to elements of «art» in the historical narrative. The article gives the author's description of different approaches to this problem, as well as outlines ways of solving it in the perspective of a stage-unitary view of the historical process and contemporary materialist ideas about history as social and humanitarian science.

Keywords: *historical narrative; historical science aesthetics; pictures-reflections of reality; designing a model of the past; the logic of the historical process; literary form.*

Об авторе:

АВЕРЮШКИН Александр Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва. E-mail: paperitetics@yandex.ru

Author information:

AVERUSHKIN Alexander Nikolaevich – PhD, Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Humanities, Moscow State psychological-pedagogical University, Moscow. E-mail: paperitetics@yandex.ru